

Матрешка Борова

Сергей Москович

Сергей Москвич
Матрешка богов

«ИП Москвич И.К.»

2020

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2=411.2)64-44

Москвич С. Н.

Матрешка богов / С. Н. Москвич — «ИП Москвич И.К.», 2020

ISBN 978-5-6041306-3-6

Научно-фантастический роман «Матрешка богов» – вторая книга из серии произведений о мироустройстве бытия, которое, оказывается, имеет луковичную структуру. Каждый слой – это ступень разума, и он становится все сложнее и сложнее. Иерархия такой структуры напоминает матрешку. И начинается она в минус бесконечности, а идет в плюс бесконечность. В романе каждый персонаж или явление подтверждены современными научными представлениями. И вкупе с юмором и гротеском, автор ведет читателя по увлекательным лабиринтам сюжета, где переплетаются истории о любви, добре и зле, забвении и вновь обретенном восхождении к познанию.

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2=411.2)64-44

ISBN 978-5-6041306-3-6

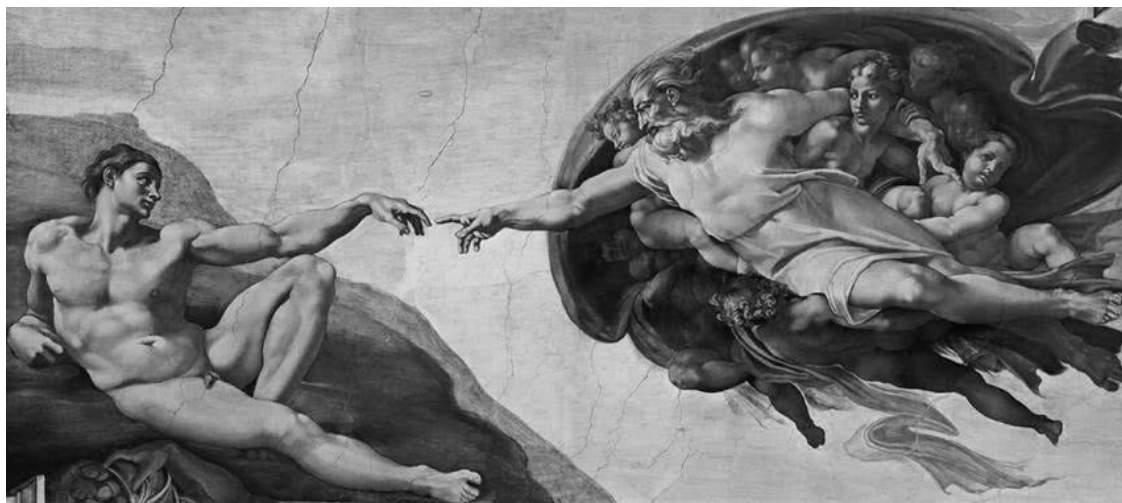
© Москвич С. Н., 2020

© ИП Москвич И.К., 2020

Содержание

Матрешка богов выворот нашиворот	6
Тело, которое жмет	8
Пикник озабоченных	11
Бокал, наполовину наполненный пустотой	14
В застенках стен коза стенает	17
Мгновенная вечность и где начинается я	20
Вылупленная шестерка	23
Я весь рассыпался на части...	27
То ли звери, то ли люди...	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Сергей Москвич Матрешка богов

Матрешка богов выворот нашиворот

Они были молоды, красивы, богаты и, как вывод из всего перечисленного, счастливы. Тем более, что они были одни. То есть вдвоем. Он, она и медовый месяц. Если, конечно, не считать спасателей в оранжевых комбинезонах, которые, как сбежавшие от курицы птенцы, рассыпались метрах в ста выше по склону. Да еще пары вертолетов, стрекозивших голубое небо чуть ниже точки старта. А про остальных и говорить нечего. Всего шесть съемочных групп было расставлено по предполагаемой трассе, да еще внизу, на финише, две. Иными словами – уйма народу, но в горах это скрадывается, и поэтому всеми этими людишками можно было запросто пренебречь, если захочется.

Итак, он – Люк Бернье, сын богатенького Буратины из Франции, она – Наташа Мавлютова, тоже девица не промах. Дочка влиятельного папаша из Москвы. И теперь они вместе. Так случается в жизни сплошь и рядом, хотя нашим молодоженам так не казалось. Они искренне верили в то, что их встреча – это что-то сверхъестественное и потому выдающееся. Тем более что они были экстремалами, то есть людьми, которым зачастую кажутся уникальными самые для этого не подходящие события. Иными словами, теми самыми любителями адреналиновых штучек, которыми так увлекается молодежь. И поэтому они решили провести первый, то есть медовый, месяц совместной жизни в том месте, где для рискованных ребят медом намазано. То есть в горах. И спуститься по снежной целине со свистом и гиками. А чтобы совсем было супер, снять об этом событии ролик, чтоб остальным завидно было.

Где-то внизу рвал волосы на горнолыжном шлеме нервный режиссер, гораздо больше переживавший за сногшибательный, но, увы, еще не полученный гонорар, чем за все остальное. Ему было важно подергать перышки из этой парочки жирненьких курят, и поэтому он орал на всех и на все. На горы, которые стояли не так, на солнце, которое никак не хотело подходить к нужной точке, на балбесов-операторов, которые как всегда еще не были готовы, и так далее. Его визги сыпались из рации так, как будто где-то вдалеке за вершинами хлестали ремнем гигантского невоспитанного поросенка, и Люк прикрутил громкость, чтобы не оглохнуть.

– Эко навалило-то как, – ласково улыбаясь, сказала Наташа и огляделась по сторонам.

– Ну, по пухляку и шлейфы классные, да и падать мягче, если что, – отозвался Люк, и они оба засмеялись. Яркое солнце, горы, высоченные елки, ну как тут без поцелуя! Но только

лишь губы сложились пучочком и остался какой-то сантиметр до стыковки, как раздался даже из приглушенной рации истерический крик режиссера:

– Режим! Режим! Солнце на точке!

Он вложил в этот ор столько тревоги, что казалось, что солнце могло и передумать.

– Всем готовность номер один! Камеры готовы?

И понеслось.

– Первая группа готова!

– Старт готов!

– Вторая, третья, четвертая...

– Камеры наверху, мать вашу вертолетную, готовы? – Режиссер крикнул так что пилоты услышали его и без рации.

– Полная готовность!

– Финиш готов?

– Всегда готов!

Возникла пауза, затем рация церемонно прочистила горло и вежливым голосом спросила:

– Люк, Наташа, а как у вас, ребята? У нас все готово. Можно начинать?

Молодожены, оторвавшись от поцелуя, весело засмеялись, и Люк крикнул:

– Давай, поехали!

– Ну, тогда пошуршали! – выдохнул режиссер, и в рации что-то забулькало. Было понятно, что главный устроитель всего этого шоу предохранял себя от нервного срыва.

Люк и Наташа переглянулись и сорвались вниз. Сначала они шли параллельно по широкому склону, а затем, распуская роскошные дуги снежных шлейфов, стали закладывать виражи восьмерок. Режиссер просто хрюкал от удовольствия в рацию и кричал:

– Класс, класс, все просто волшебнo, ребята!

У красных вешек где-то на трети склона им надо было войти в поворот и обдать сияющим веером притаившуюся съемочную группу, и Люк вырвался чуть вперед. Изыщным авальманом он вышел из виража, а за ним из сверкающей пелены вылетела Наташа. Мелькнули довольные лица телевизионщиков, заваленные снегом по самые маковки елки, и лыжники красивым полетом свалились в кулуар. Он круто, с поворотом, уводил на новый этап трассы, и здесь должно было начаться самое интересное. Оно и началось. Первыми это заметили телевизионщики. Они в панике замахали руками и, побросав камеры и штативы, гурьбой, стуча от испуга палками, посыпались в сторону.

– Лавина! – завыл раненым животным режиссер в рации. – Люк, Наташа, вы где? Снежную доску сорвало!

Но было уже поздно. Только-только две фигурки выскочили из горловины кулуара, как оттуда же, как из пушки, вышибло косматую стену белой клубящейся каши. Снизу от финиша побежали люди – сначала вверх, а затем в разные стороны. Лохматая белая стена лениво догоняла двойку на широком склоне, раздаваясь во всю ширь.

– Мерд¹, Наташа, сет аваланж! – Люк внезапно перешел на дрожащий французский, и всем, кто его слышал по связи, стало ясно, что им не уйти.

– Вит, Ната, вит! Дешеш туа!

Снизу, на финише, люди видели, как Люк внезапно сбросил скорость и Наташа почти врезалась в него. Они, обнявшись, еще несколько мгновений были видны и скользили по склону, а затем лавина накрыла их обоих.

– Мерд, твою задницу! – Это были последние слова, которые услышали по рации все от влюбленных молодоженов.

¹ Мерд (франц.) – бранное слово, какашка.

Тело, которое жмет

Люк открыл левый глаз и увидел рогожу. Правый же глаз почему-то не хотел открываться. Не то чтобы не мог, а именно не хотел. Он стал какой-то непослушный, и ведь не так, чтобы его совсем не было, или он был чем-нибудь прикрыт или прижат, нет. Он, как капризный ребенок, просто не хотел открываться, и все. Встал в позу закрытого глаза и вообще отвернулся. И даже что-то пробормотал – так по крайней мере Люку показалось. Ужас какой-то!

Парень с силой зажмурил левый глаз и резко распахнул веки. Хоть бы хны! Правый даже не дрогнул. Что за напасть? Надо было что-то с этим делать. Люк стал дергать щеками и даже чуть повернул голову. В правом глазу что-то хрустнуло, и он со стуком распахнулся. Как ставень на деревенском окне или как дверца в печке! Хрясь и бум! Он раскрылся даже шире, чем можно было ожидать, и в него хлынуло изображение. То есть хлынуло все то, что видел и левый глаз, но, час от часу не легче, все в перевернутом виде. То есть левый глаз видел драгую рогожу, плетеную косичкой сверху вниз, а правый – снизу вверх. В голове у французского горнолыжника от такой белиберды все закачалось, и он закрыл оба глаза. И вспомнил. Его же сбило лавиной! Мама родная, так он где? А где Ната?

Молодой человек резко дернулся и внезапно ощутил, как все его тело вдруг стало наливаться. Вот только чем? Силой? Да нет, сила и так была, он ощущал ее во всех своих членах, но она была какая-то раздробленная, что ли. Кусочками. Которые блуждали по всем его уголкам, независимо от того, хотел этого Люк или нет. Его тело наливалось сознанием! Независимым и, между прочим, незванным сознанием, которое управляло его раздрызганной на осколки силой. Сознанием, с которым тоже можно было общаться! И которое, это точно, с ним уже общалось!

«Ничего себе, – подумал Люк. – То с глазом поговорил, теперь с задницей или еще с чем-то! Быть в компании с собственными частями тела – очень приятненько! Привет, попа, привет, спина! Выпили, поговорили и разошлись... Ой, муторно мне!»

Его дергало судорогами, и раз за разом куски силы в его теле сливались, укрупнялись и, наконец, единым целым заняли все пространство от затылка до копчика. А затем сила, как вода в унитазе, разом хлынула в ноги, и они вдруг стали осмысленными до такой степени, что Люку показалось, что с ними тоже можно поболтать. То есть не болтать ногами, а болтать с ногами. Чушь-чушь-чушь! Дрожь угловатыми колючими импульсами колотила все мышцы, и мысли о Нате и лавине улетели куда-то в подсознание или еще глубже.

Глаза неожиданно, безо всякого разрешения, открылись сами, и он увидел, что из рогожи прямо перед ним вылетела с мягким пухом деревянная пробка, засветив круглую дырку. Люк сглотнул от испуга, и его внимание раздвоилось между уже образовавшимся отверстием, куда с шипом выходил воздух, и дрожью, которая стала успокаиваться. Рогожа рывком слетела в сторону, и над глазами горнолыжника склонилась голова пожилого китайца в меховой шапке, на которой сидели круглые, как у газосварщика, очки.

Восточный человек улыбкой превратил свои и так узкие глаза в крохотные щелочки и быстро проговорил:

– Вот уже как большой, вот молодеца, вот очень-переочень хоросо! – и чуть отстранился, как бы любуясь.

Люк силился ответить, но губы, как и правый глаз вначале, с этим не согласились и не стали шевелиться.

– Нисево! Хоросо! – засмеялся дряблым смехом чудной китаец, а затем опять придвинулся и доверительно, даже пожалуй, душевно, спросил: – Какать хосесь? – и весело подмигнул.

И тут вдруг со всей оглушающей отчетливостью Люк понял, чего ему хотелось больше всего на свете. Ему очень хотелось какать.

Француз сел торчком и уставился на китайца, который, сложив ручки лодочкой у груди, с умилением смотрел на процесс вставания.

– Туда, туда! – китаец махнул легкой, как осенний листок, ладошкой, и внутренняя сила сорвала Люка с места. – Ты тужься, тужься сильнее! – крикнул ему в спину странный собеседник.

В туалете все произошло быстро, и сразу после этого, как благодать из космоса, пришло облегчение. Внутреннее сознание, собиравшее силу по членам, вдруг истончилось и слилось с сознанием собственным, и это уже не казалось странным. Глаза хлопали синхронно, и рот стал открываться. Люк даже не заметил, что и ноги, и руки перешли в полное его подчинение, и с ними уже не хотелось разговаривать, потому что в них уже был он сам.

Он вышел из кабинки ровной походкой и остановился у лежака, на котором сиротливо лежала его рогожа. Китаец, повернувшись к нему спиной, расположился на скамеечке уже у второго лежака, на котором торчком сидела Ната. Восточный человек, как волшебное заклинание, опять повторил странное приглашение, и в стеклянных глазах девушки проснулся разум. Она резко прыгнула со своего деревянного ложа и раскоординированной и развинченной походкой, сшибая углы, пролетела к заветной кабинке. Люк только успел отскочить с ее пути. Он хотел окликнуть ее, но, сами понимаете, куда и зачем она направлялась, и он смущенно прикрыл рот ладошкой.

– Э-э, – протянул со своего места восточный человек. – Говорить не мозесь пока, рано, вот возьми. – Он протянул стакан: – Водиски попей.

Люку очень захотелось пить, и он одним всхлипом всосал воду.

– Еще, – тяжелым сипом донеслось из его рта, это сказали его губы.

– Рано есче, – флегматично моргая лысыми ресницами, заявил китаец и спрятал второй стакан за спиной. – Это для барысни.

Вдруг бегущим импульсом откуда-то из желудочной глубины француза прямо по пищеводу и до глотки пробежал мягкий спазм и вырвался изо рта пушечной отрыжкой.

– Вот теперь мозесь говорить, – одобрительно разрешил необычный руководитель.

– Вы доктор? – вопрос был произнесен нормальным люковским голосом, что доставило удовольствие как ему самому, так и его экстравагантному опекуну.

– Нет есче. – расплылся в очередной улыбке китаец и, плюнув на руку, протянул ладонь. – Здравствуй, я пока кукольник, доктором потом буду. Только маленьким и недолго. Дерзи привет.

Люк автоматически пожал протянутую руку и вдруг почувствовал горячую струю, которая влилась через китайскую слюнявую ладошку и расплылась по всему телу.

– Что это было? – спросил он.

– Есь контакт, – довольно кивнул китаец и захихикал. – Теперь мозесь ее трогать. Мозесь все трогать!

Молодой человек осмотрелся по сторонам и коснулся рогожного кокона, который кулем валялся на деревянном топчане. Он оказался приятным на ощупь – тепловатым и мягким. Тогда он кончиками пальцев пробежал по щеке, носу и уху и понял, чего ему не хватало все это время. Осязания. Все предметы, которых он касался раньше, казались ему одинаковыми, а теперь они как будто обрели душу.

Хлопнула дверка кабинки, и оттуда вышла, довольно ровно и даже изящно, Ната. Только теперь Люк обратил внимание, что на ней, как и на нем, был мешок из матового пластика с прорезями для рук и головы. Ната, чуть смущенно улыбнувшись, потянулась к нему, но тут опять вмешался противный китаец.

– Давай, девка, водиски попей, – просиплявил он, и Ната, взяв стакан, вдруг с жадностью опустошила его одним глотком.

– Здравствуй, девка! – опять плевков на ладонь и рукопожатие. – Ну, а теперь попрыгайте вместе, можете за ручки держаться – легче будит.

Люк и Ната, взявшись за руки, стали послушно прыгать перед необычным доктором. Он, внимательно разглядывая прыгунов с головы до ног, обошел их кругом.

– Туловисся нигде не жмут? – серьезным тоном спросил он и положил легонькую ручку на Люково плечо.

– Чего? – непонятливо переспросил тот.

– Он спрашивает: тела наши нам не жмут нигде? Это у него шутка такая! – вдруг резко, птичьим голосом затараторила Ната и, испуганно посмотрев на Люка, замолчала.

– Умная девка, но пока дура еще! – примирительно сказал китаец и добавил: – Теперь и целуйтесь узе, давно нужно было!

Пикник озабоченных

Люк и Ната жадно целовали друг друга, заглядывая в глаза, в которых все еще клубилось дремучим ужасом воспоминание: спуск, горы, лавина и яркой вспышкой – ослепляющая темнота. Внезапно Люк отстранился и стал внимательно осматривать лицо любимой.

– А где твоя мушка? – озадаченно спросил он. – Где родинка над губой?

Ната непроизвольно провела указательным пальцем по щеке и непонимающе уставилась на мужа. Ее тело вдруг содрогнулось, и она рыгнула прямо ему в лицо мощным выхлопом, а затем испуганно прикрыла рот двумя руками.

– Ой, прости, не знаю, у них в туалете зеркала нету, – уже нормальным голосом ответила она, и они оба уставились на китайца.

– Эй ты, чайна-таун, куда мушка делась? – как можно строже проговорил Люк.

– Муска-муска, какой муска? Отчего муска? – Восточный человек суетливо вскочил со скамеечки, которая стояла между топчанами. – Засем муска?

Он, шепеляво бормоча что-то, заглянул в Натаино лицо, а потом отскочил в сторону и стянул на глаза с макушки очки-консервы. В больших, на полголовы, круглых очках он походил на гигантское насекомое, и стрекотание про муску-муску только добавляло похожести. Он схватил двумя руками окуляры оптического прибора, как танкист бинокль, и стал подкручивать их, видимо настраивая изображение. Прошла секунда-другая, и он рывком задернул очки на лоб и примирительно сказал:

– Точно, был муска, сейсяс нарисую, – и, порывшись в глубоких карманах мехового одеяния, вытащил маленький карандаш.

Затем он послунявил кончик карандаша, отчего у него на середине губ осталось чернильное пятно, и, семена как лебедь-барышня, мелкими шажками под длинным, до полу, балахонном, подплыл к девушке.

– Давай, сейсяс муска будет!

– Ты что, чайна-даун, сдурел, что ли? Карандаш обслюнявил и в лицо лезешь, а ну пшол! – вскипел Люк и грубо оттолкнул назойливого опекуна.

– Так, застыли оба, – неожиданно строгим, почти ефрейторским голосом приказал китаец. Весь его сюсюкающий акцент мигом испарился, а глаза стеганули обоих пациентов стальным блеском. Люк и Ната непроизвольно повиновались и замерли в движении, как скульптуры.

– Вот хоросо, – азиат опять стал пришепетывать, как и прежде, и осторожно подрисовал родинку прямо над Натаиной верхней губой. – Вот, и вам хоросо, и меня не наказут.

Молодые люди, стряхнув оцепенение, стали вялыми и, все еще держась за руки, устало присели на лежак.

После момента скованности, который перемешал все мысли и чувства в голове у Люка, все опять стало возвращаться в норму.

– Ты кто? И где мы? Я хочу связаться с родителями, дай мне телефон! – скорее просительно, чем настойчиво проговорил он и уставился на китайца.

Тому вопросы не то чтобы не понравились, а он даже как будто их и не услышал. Он ласково смотрел на Наташу, любясь, словно художник черным квадратом, своей нарисованной родинкой.

– Эй, ты! – злость опять стала вскипать в глубине Люка крутым кипятком, и он встал с топчана. – Ты слышишь или нет?

– Ты поосторожней с ним, дорогой, – Ната слегка дернула его за руку. – Видишь, как он кусается?

Второй рукой она осторожно гладила нарисованную мушку и глазами искала зеркало. Но восточный человек продолжал молчать и влюбленно смотрел на свое произведение, а затем вздохнул и, заглянув девушке в глаза, доверительно спросил:

– Как покакала? Хоросо?

Было видно, что он умышленно хотел поменять тему и игнорировал неудобные вопросы. Наташа покраснела и уставилась в пол.

– А водиска вкусная была?

Ната нехотя кивнула.

– А кусать хосес?

– Ты что все заладил: какать, кушать! – Люк почти грубо толкнул китайца. – Что происходит вообще?

– Айда, пойдем сюда-туда, кусать надо, – не обращая внимания на злое лицо молодого человека, проговорил странный азиат и просеменил к стенке за топчанами.

Только сейчас Люк обратил внимание, что во всей комнате, обитой грубым горбылем, была только одна дверь – в туалет. Китаец замер перед стенкой, а затем, плюнув на палец, толкнул им где-то посередине. Видимо, плевками он решал многие проблемы. Стена нехотя качнулась, а затем с грохотом и пылью рухнула вглубь. Сразу за ней открылся небольшой коридор, в конце которого прямоугольником выхода синело небо и зеленела трава.

– Айда, давай пойдем, кусать надо! – уже настойчиво повторил азиатский человек и поплыл лебедушкой по пыльному коридору.

Ната и Люк переглянулись. Выбора у них особенного не было, и они босиком, осторожно ступая по корявому горбылю, последовали за своим гидом. Держась за руки, молодые люди подошли к концу коридора и настороженно выглянули наружу. А там было на что посмотреть. Горы, травка, яркое небо – все это открылось и слева, и справа – нараспашку и вглубь, до горизонта. В чистом, пропитанном солнцем воздухе плавно кружили разноцветные птицы, а внизу по изумрудному газону сочными вспышками сверкали не менее разноцветные цветы. Одним словом – красота. Даже, пожалуй, рай. По крайней мере это было первое, что пришло Наташе в голову.

– А они тут недурно устроились, – удивленно проговорила она и обернулась на мужа.

– Ната, а ты ничего не замечаешь? – Люк продолжал оставаться подозрительным, и окружающие пейзажи его, по-видимому, не радовали.

– А что такое?

– Да, как же, смотри вокруг – горы другие! Это же не Кавказ, ни разу не Кавказ!

– Люк, милый, очень кушать хочется, какая разница, Кавказ – не Кавказ, вон, смотри, наш лекарь стол какой накрыл.

И действительно, чуть вдалеке, под шикарным кустом фуксии, развесившей нежными каскадами розовые колокольца цветков, стоял ажурный столик с двумя не менее ажурными стульями. На прохладного цвета скатерти стояли блюда и тарелки с приборами. Между ними выселись два хрустальных бокала и запотевший графинчик с минеральной водой. А чтоб слюнки капали, нужно упомянуть, что же было в списке блюд, которые ожидали молодую пару. Во-первых, кролик в вине с яблоками и красным луком, во-вторых, щука парная с каперсами, в-третьих, медвежий окорок в меду, запеченный на углях, и дальше по мелочи. Фрукты, несколько крохотных тарелочек с паштетами и прочая, прочая, прочая. Много всего.

– Пикник накрыт, уважаемые! – важно провозгласил меховой китаец и сделал торжественное лицо. – Попросу к столу. Надеюсь, вы не вегетарианцы?

Ната, несколько не сомневаясь, быстрым шагом подошла к столу и сразу уселась. Люк немного поколебался, но потом прошел за ней и нехотя устроился напротив. Главные блюда еще шкварчали и истекали ароматным соком, а от аппетитной щуки валил такой пар, что хоть веником парься.

– Все сvezенькое, с пылу с зару! Кусайте на здоровье, а я месать не буду, пойду, – мило улыбнувшись, сказал их азиатский визави, а потом, интимно склонившись к уху Люка, быстро пробормотал: – Вот вы все спрашивали, все интересовались, а вот большой доктор придет, он все и расскажет. Большой доктор, серьезный доктор. Специалист!

Он только-только собрался отойти, как Ната, не вытерпев, потеряла ладошки и весело сказала:

– Ну, начнем!

В это же мгновение лежащий на столе жареный кролик, в спине которого торчала большая серебряная вилка, скосил на нее глаз и вежливо произнес:

– Приятного аппетита!

Ната, охнув и закатив глаза, стала тихо сползать со стула, а Люк, вскочив, возмущенно уставился на китайца.

– Так он живой?! Ты, живодер, ты нам живую скотину скормить хочешь?

– Ну и сто, сто зивой, зато хоросо зазаренный! – скороговоркой ответил азиат и, поймав Нату, стал обмахивать ее широким рукавом.

– Ну что вы все спорите, – примирительно сказал кролик на блюде, – ешьте меня уже.

– А почему тебя? – донеслось со второго блюда, где парилась щука. – Тебя скотиной называли, между прочим! Молодой человек, попробуйте меня, вот там, у хвостика, там самое вкусное!

Люк стоял, открыв рот, глядя, как спорят на столе готовые блюда. В голове у него метались сполохами обрывки мыслей, и пересохло во рту.

– Господи, не хватало еще, чтобы и окорок заговорил!

– Окорок говорить не мозет, у него рта нету, у медведя рот есть! – поправил его гостеприимный хозяин и указал пальцем в сторонку. Люк посмотрел в этом направлении и увидел одноногого медведя на костылях, который ковылял вниз со склона по тропинке.

– Молодые люди, настоятельно рекомендую, начните с меня, – продолжал увещевать напуганных молодоженов жареный кролик с вилкой. – Поверьте, мне будет лестно первым оказаться внутри такой симпатичной пары!

Наташа, слегка придя в себя, тоже вскочила.

– Я такое есть не буду!

– Но почему! – хором донеслось со стола. – Мы же вас любим, ответьте нам взаимностью.

– Дорогая, у вас такой очаровательный кишечник, поверьте, нам там будет уютно! – брызгая соком, прокричала щука и ударила хвостом.

– Так, хозяин, быстро убери всю эту говорящую нечисть, мы вегетарианцы. С этой минуты и навсегда! – ультимативно объявил Люк и решительно задвинул стул под стол.

– Хоросо, хоросо, как скажете! – лебезя пробормотал азиат и стал убирать мясные и рыбные блюда со стола.

– Опять нас свиньям скормят!!! – истошно завопили кролик со щукой, но китаец уже сваливал их в мусорный мешок и, взвалив на плечо, побрел с ним в дом. Внутри его ноши продолжалась сварливая перебранка, и каждое блюдо обвиняло другое в том, что случилось. Молодожены в ужасе проводили его взглядами, а потом синхронно опустили на стулья. Прошла минута, другая, но голод никуда не делся, и они произвольно потянулись к еде.

На столе остались только фрукты и минеральная вода.

– Ну хоть так по крайней мере, – проговорил Люк и вытер вспотевший лоб.

– Что же нам делать, и что это все такое, – произнесла Ната озадаченно и взяла трясущейся рукой апельсин из хрустальной вазы.

– Большого доктора надо ждать, от этого китаезы ни черта не добьешься, – мрачно проговорил Люк и озабоченно стал грызть наливное яблочко.

Бокал, наполовину наполненный пустотой

Они еще немного посидели, мрачно поедая фрукты, но хрустальная ваза быстро опустела и пришлось приняться за минеральную воду. Хотя от нее была только отрыжка да щелкали где-то в животе пузырьки.

– Я бы сейчас... это... от кролика бы не отказался, – нарушил вдруг тишину Люк. – Ну, не живого, конечно, а, как его... – Он смущенно потупился: – Ну, не мертвого, а просто жареного, что ли... Ну, то есть мертвого, конечно...

Возникла минута молчания по мертвому кролику.

– А я бы и от живого не отказалась, – неожиданно и тихо, со смущенной усмешкой пробормотала Ната, а затем, виновато взглянув на мужа, еще тише добавила: – Он же сам просил.

– Как ты можешь, это же каннибализм! – возмутился Люк.

– Каннибализм – это когда людей едят, а он – кролик, – быстро возразила Ната и повторила для убедительности: – Тем более что он сам просил!

– Вот ты представь, ты его съела, а дальше что? – переспросил Люк. – Он бы начал разговаривать с тобой прямо из твоего живота!

– А я бы ему не отвечала, и все, – парировала супруга и отвернулась.

– Ну, я понимаю, не отвечала, а вот беременные мамы разговаривают с малышами в животе, а ты бы молчала...

– Как ты можешь! Ты... Как можно сравнивать! – она почти захлебнулась от возмущения. – Ты вообще животное!

– Ну почему животное, – озадачился Люк. – Животное – оно бы у тебя в животе... Эх! – он примирительно махнул рукой и отвернулся, чтобы не бесить жену. – Я бы лучше окорок съел, у него ведь рта нету.

– А медведь, у которого ногу отрезали?

Откуда-то сверху на них вдруг повеяло ветерком, и оттуда же раздался ласковый голос.

– Ну, это вы зря за Ипполита переживаете, он ведь сам себе ногу отрезал и приготовил для вас, для дорогих гостей. Он, между прочим, отличный кулинар и всегда свои ноги, то есть лапы, знатным персонам готовит. Это, кстати, у него самые вкусные части тела.

Молодожены разом задрали головы и с ужасом уставились на громадного птеродактиля с прозрачными перепончатыми крыльями, который завис чуть в стороне над ними. Он легонько парил в восходящем потоке, и на спине его сидел какой-то джентльмен в темном вечернем костюме.

– Господи, – томно проговорила Наташа и закрыла глаза. – Я опять в обморок, вернусь не скоро.

– Кажется, и я туда же! – вскрикнул Люк и вскочил на ноги. Но глаза, напротив, не только не закрыл, а широко распахнув, стал рассматривать парящий метрах в десяти над землей причудливый тандем. – Это ж прям реалити-шоу какое-то!

– М-да, действительно, можно перепугаться, – согласным кивком наездник ископаемого ящера подтвердил настроение ошарашенной пары. – Но, и с этим ничего не поделаешь, надо привыкать. Разрешите представиться – Доктор. Соломон Яковлевич фон Дитрих. Можно просто Соломон Яковлевич. Леша, представься уж и ты заодно.

Парящий ящер тряхнул костистым гребнем и щелкнул зубами.

– С вашего позволения, Алексей Качумасов, – и потом, чуть вывернув шею и скосив глаз на наездника, быстро добавил: – Капитан первого ранга, командир атомного подводного крейсера «Славутич». Пардон, что в таком виде не могу отдать честь.

– Ох, болтаешь много, Лешечка, – джентльмен в костюме дрыгнул ножкой в шершавый бок птеродактиля. – Давай на посадку!

Ящер взмахнул прозрачными крыльями и взмыл вверх. Метрах в двухстах, в вышине, он выполнил виртуозный разворот и по глассаде скользнул вниз. Из-за кустов рядом с лужайкой, на которую примеривался сесть летающий монстр, выскочил все тот же китаец с сачком для бабочек и замер, держа древко с полосатым матерчатым конусом над головой. Ящер, едва коснувшись лапами зеленого газона, закончил движение легкой пробежкой и остановился в паре шагов от прыткого азиата.

– Добро пожаловать в Бамболополь, уважаемый метр! – безо всякого сюсюканья, по-военному гаркнул китаец и щелкнул каблуками. Хотя этого все равно не было видно под длинным балахоном.

– Уважаемый мэтр, болван! – добродушно поправил Соломон Яковлевич и, даже не глянув на этот вытянувшийся в струнку почетный караул, направился к столику. Уже подходя к месту пикника, он с шага перешел на легкую рысь и вприпрыжку подлетел к молодоженам.

– Ну, здравствуйте, здравствуйте, дорогие мои, ух! – Он цепко ухватил руку молодого человека и, прижав ее к собственной груди, восторженно воскликнул: – Ах, как я рад, как же я рад! Уф-ух! Надо понимать, вы – Люк? Замечательно! Скажу честно, вы прекрасный экземпляр! Ух! Ну, а вы, – он перебежал вокруг столика и, жеманно приподнимая плечи, принялся целовать ручку девушки, – а вы – Наташа! Вы просто гениальны! Уф! Очень впечатляет! Какая пара, какая подходящая, ух, по всем параметрам пара! Ух!

Он нахально уселся на люковский стул и уставился на парня не менее нахальным взглядом.

– Ну, знакомство, все эти охи-чмоки, обнимашки-целовашки закончились. Пора и за дело!

Люк, отпрыгнув от занятого стула, быстро обежал стол и встал рядом с юной своей супругой, даже чуть загораживая ее от такого напористого собеседника. Ната сразу же прижалась к нему и горячим шёпотом, чуть привстав, прямо на ушко требовательно затараторила:

– Ну, сделай же что-нибудь, ты же мужчина! Это, вообще, кто? Тот самый доктор, о котором ты говорил?

Люк пожал плечами и перевел взгляд на собеседника.

– Вы Большой доктор? – грозно спросил он и, сдвинув брови и сжав губы птичьей гузкой, уставился на гостя.

– Если вы имеете в виду размеры, то, как видите, не очень большой, уф-ха-ха – хохотнул назвавшийся Соломоном Яковлевичем пришелец. – Это меня китаец Юнька так называет. Ух! Уважает очень.

– А вы по каким болезням? – выглянула из-за мужа Ната.

– От всех, решительно от всех болезней, – уверенно произнес гость. – И не только, ух, в вашем случае, дорогая, а во всех случаях. От скарлатины и вывихов и до самой бубонной чумы. Все и всех могу вылечить! Уф-у-фу!

– Не надо нас лечить, – пренебрежительно съязвил Люк, имея в виду совсем не лечение. – Таких врачей не бывает.

– Ну, во-первых, бывает, а во-вторых, именно вас, дорогие мои, еще как надо лечить! Ох, уф! Дайте отдышаться! – он достал из нагрудного кармана носовой платок и обтер совершенно сухой лоб. – Вот у вас, например, Наташа, пневмоторакс – воздух в легкие попал! Вследствие проникающей раны груди и многочисленных переломов ребер! – весело, даже торжествуя произнес человек, и стало очевидным, что он все-таки доктор. – А разможнение правой кисти? А многочисленные ушибы? А вас, молодой человек, вообще по кусочкам собирать нужно, и, кроме того, у вас еще одна проблемка, перелом основания черепа называется. А вы говорите, вас лечить не надо!

Соломон Яковлевич задорно захлопал в ладоши и ликующе засмеялся. Но его собеседники ошеломленно посмотрели на этого фигляра и, открыв от ужаса рты, стали лихорадочно ощупывать и осматривать друг друга.

– Но мы же совершенно здоровы! – хором закричали молодые супруги, ничего не понимая.

– Правильно, здоровы! – доктор, довольный самим собой, скалил зубы и насмешливо следил за молодоженами. – И еще здоровей будете. Мы вас сошьем-сколотим, где гвоздком, где молоточком, по клеточке, по нейрончику, разберем-соберем, подчистим-подмажем и в постельку уложим! Не переживайте! Все хорошо будет! Ах, какие экземпляры! Молодые, влюбленные, начитанные – просто любо-дорого!

– Что-то вы нас часто экземплярами называете! И где все эти раны, переломы и другие травмы, о которых вы говорили? – обиженно и подозрительно протянула Ната.

– Где-где, у деда в бороде, – насупившись перебил ее Люк. – Врет он все, дайте нам телефон! Сейчас же! Мне надо позвонить своему менеджеру.

– Да что же вы, молодой человек, такой мрачный, такой хмурый? Вы живы-здоровы, и все прекрасно, – с улыбочкой произнес Соломон Яковлевич. – Вы, видимо, по натуре пессимист. Или я приятно ошибаюсь? Конечно же, ошибаюсь! Вы оптимист!

– Пессимист, оптимист – знаем мы это все! стакан наполовину пустой или полный! – Люк продолжал атаковать: – Давайте телефон!

Чуть скосив глаза в сторону и примирительно вздохнув, доктор потянулся за минералкой и, налив в бокал ровно половину, хитро взглянул на петушившегося француза.

– Кстати, о стаканах, – он задумчиво, не стирая улыбки, покрутил бокал в руке и, подняв, посмотрел через него на Люка. – Вот этот бокал, по вашему мнению, наполовину пуст или полон?

– Полон, полон, оптимисты мы оба, – нетерпеливо сказал тот, – зубы не заговаривайте, телефон давайте!

– И для меня, знаете ли, наполовину полон! – весело ответил неунывающий доктор. – Только для меня он наполовину полон пустотой, так что все гораздо сложнее, молодой человек! Давайте-ка собирайтесь и полетели! – а потом загадочно добавил, – Времени очень мало, всего лишь вечность осталась, то есть надо торопиться. Юнька, принеси им одежду! Ко мне полетим...

Из-за куста фуксии мигом выскочил расторопный Юнька с двумя стопками белья под каждой подмышкой.

– Так уже готовое все! – сморщился он в улыбке и с полупоклоном положил одежду на стол.

В застенках стен коза стенает

Они летели на бреющем полете, но несмотря на всю опере-точность происходящего, Люку было совсем не смешно. То ли доктор, то ли клоун, который сидел впереди него, непонятный китаец, внутри которого прятался ефрейтор, испуганная Ната, говорящие животные, живые и зажаренные – все это кого угодно может загнать в психушку навсегда, если не сказать больше.

Он обнял правой рукой сидевшую рядом жену и почувствовал, что ее колотит дрожь. Ната молча взглянула на него, и по ее щеке наискось от встречного ветра скатилась слеза. В глазах у нее клубилась глухая, невыплаканная тоска, и казалось, чуть-чуть еще – и завоет она загнанной за флажки волчицей и бросится под ружье. Где мы? Что с нами будет? Куда и зачем нас везут? Они вели глазами немой разговор и не находили ответа.

– Обратите внимание, какое прелестное стадо мамонтов, – раздался голос доктора, и он обернулся к пассажирам. – Скоро дадут приплод, вот Юнька-то порадует. Он ведь и сюда руку приложил.

Они летели на птеродактиле Леше втроем, так как сразу за спиной пилота, то есть Соломона Яковлевича, были устроены два кресла с откидными спинками и очень сомнительными ремешками безопасности. Спасти они никого, безусловно, не могли, но удавиться на них при случае можно было запросто. Так, по крайней мере, сказала Ната, когда после долгих уговоров ей все-таки пришлось залезть на ящера.

– Надеюсь, хоть мамонты у вас не разговаривают человеческими голосами, – мрачно пробормотал Люк.

– Обижаете, любезный, конечно разговаривают, – еще больше обернулся Соломон Яковлевич и, жестикулируя одной рукой, начал разглагольствовать. – Во-первых, так удобнее. Возьмем традиционное животное, того же слона, чтобы пример был нагляднее. Он, если заболит, допустим, может об этом рассказать? Симптомы, там, или просто описать недомогание, где болит, что зудит. А наши мамонты могут. Хоть прозой, хоть стихами.

Во-вторых, у них социальная атмосфера в стаде не в пример теплее и душевнее. Встретил мамонт симпатичную мамонтиху и объяснился в любви. Трогательно и романтично. А слоны в дикой природе? У них все жестко и на уровне инстинктов. Встретились и разбежались, так, по-моему, хотя я не очень в курсе по этой теме.

В-третьих, если мамонта наказываешь – я сейчас мамонта беру как обобщающий всех говорящих животных образчик, – то, стоит ему объяснить, за что и какова мера наказания, он уже и не ерепенится. И дрессировать его не надо, ни понукать, ни, не дай бог, бить или терзать как-то. Разумом понимает, а разум – венец творенья природы!

– Так у вас тут все твари разговаривают? – все так же хмуро спросил Люк.

– По-разному бывает, по-разному, – уклончиво ответил доктор и, внезапно склонившись вперед, крикнул: – Леша, садимся!

Ящер, накренившись, вошел в вираж и лихо нырнул вниз. Ната негромко охнула и вцепилась в руку мужа покрашенными дорогим лаком ногтями. Леша, щадя пассажиров, мягко спланировал и почти без пробежки приземлился у симпатичного бунгало на мягкую травку.

– Карета прибыла, – торжественным голосом провозгласил он и, раздвинув лапы, шлепнулся на пузо.

Пилот и пассажиры стали выбираться со своих мест и прыгивать на траву. От дверей бунгало уже бежал разряженный в полосатую ливрею коротконогий толстячок, который оказался совсем даже не толстячком, а жирным котом, втиснутым в служебный костюм. Двигался он, как и положено литературным котам, на задних лапах и росту был немало – с метр, а то и больше. Но после перелета ни Ната, ни Люк на это уже не реагировали. Видимо, привыкли.

– Добро пожаловать, почтенный и уважаемый мэтр, и вам, гости дорогие, му-ур, то же самое, – по-человечьи замурыкал кот и отвесил почтительный поклон. – Позвольте ручку?

Это он обратился к Наташе, урча так обворожительно, что она на автомате согласно протянула руку и даже улыбнулась. Правда, улыбка получилась несколько скособоченной от пережитых воздушных и земных впечатлений.

– Мефодий, все готово? – строгим голосом спросил доктор.

– Что вы, Соломон Яковлевич, му-ур, дражайший, буквально все! – ласково пропел призрачный кот. – Вы позволите, я вас провожу в кабинет, а затем займусь гостями?

Доктор отрицательно мотнул головой и стал что-то тихо и наставительно шептать коту в мохнатое ухо.

Люк, который просто уже устал удивляться, тихонько подошел к голове птеродактиля и, сам поражаясь своей смелости, вежливо произнес:

– Ну, спасибо, ящур, за доставку!

– Я не ящур, – открыл глаз Леша. – Я логистическая единица, – он тяжело вздохнул. – В наше время таких, как я, называли общественным транспортом.

– Типа троллейбуса, что ли?

– Типа такси! – пробурчал птеродактиль, – Эх, как мы жгли в «Полярных зорях», на трех тачках как закатим... Ты в Североморске не был?

– Не довелось...

– А зря, хороший город! Я б туда сейчас махнул...

– Так что, за чем дело-то стало?

– Ты что, с птеродактиля упал, что ли?

Тут как из-под земли вынырнул Соломон Яковлевич и бесцеремонно прервал беседу:

– Так, Леша, в ангар, а вы, будьте ласковы, пойдете со мной, времени в обрез.

Люк нехотя последовал за настырным доктором, который, подойдя к Нате и коту, ожидающих их, не оглядываясь пошел напрямом по приятной во всех отношениях садовой дорожке в дом.

– Мефодий, ты уж не обижайся, не могу я их одних оставить, – небрежно бросил через плечо Соломон Яковлевич явно обидевшемуся коту. – Ты давай-ка займись по дому, дел-то ведь хватает.

Кот неопределенно фыркнул и потрусил в сторону, а оставшиеся прошли в бунгало. Доктор не стал задерживаться в огромной гостиной, в которой стоило б и задержаться, а, зовя ручкой, провел нашу семейную пару прямо под лестницу, где, открыв невысокую дверку ключом, нырнул внутрь.

– Сюда дадите, только пригнитесь, здесь притолока низко-вата, – галантно придерживая дверь, проворковал хозяин и, аккуратно прикрыв ее за гостями, прошел в глубину помещения.

Ярко вспыхнули лампы, и вошедшие осмотрелись. То, что это был лабораторный кабинет, было ясно хоть с первого, хоть с какого другого взгляда. По светлomu, крупными шашками, паркету были расставлены широкие столы на колесиках, а вдоль стен от полу до потолка высились глубокие стеллажи из нестроганого дерева. Вся эта мебель была уставлена разного рода необычными предметами, которые никак не подтверждали медицинских занятий само-названного доктора.

Тут были светящиеся кубы и параллелепипеды разных размеров, мотки шевелящейся проволоки, висящие сами по себе над столами кольца и прочие немислимые приспособления и аппараты.

– Располагайтесь, и начнем! – задорно потерев руки, Соломон Яковлевич придвинул молодоженам кресла на колесиках, а сам, сдвинул с широкой столешницы какую-то меховую по виду подушку и, запрыгнув, уселся на стол.

В этот момент в глубине кабинета раздался грохот, и все оглянулись на звук. В дальнем конце между стеллажами была еще одна дверь, и, по-видимому, кто-то пытался штурмовать ее тараном. Дверь, не выдержав такого обращения, с протестующим визгом распахнулась, а затем в кабинет, стуча копытами по навощенному полу, стремительно ворвалась лохматая до невозможности коза.

С биллиардным цокотом копыта долбили пахнущие воском шашки наборного паркета, и вдруг оказалось, что места в кабинете практически не осталось. Коза, мотая рогатой головой, тыкалась то в одном, то в другом направлении, и было ясно: еще чуть-чуть – и она разнесет все к чертовой матери.

– Так, ты, коза малёванная, быстро в стойло! – строго нахмутив брови, гаркнул Соломон Яковлевич, и животное замерло, нагло впялившись в него бесстыжими глазами.

– Ты, козел, ты кого малёванной назвал? – грозно жуя нижней челюстью неистребимую жвачку, проблеяла коза. – Я Элеонора Малеванная, яркий представитель Серебряного века в русской поэзии!

Она нацелилась рогом прямо в докторскую коленку, но тот, шустро поджав ноги, увернулся от бодливого снаряда.

– Ну, Эля, ну, хватит уже, хорошо хоть никто не слышит! – примирительно пробормотал доктор и, изловчившись, бросил в нее прозрачной резиновой лепешкой, наполненной золотистой жидкостью.

Коза на мгновение покрылась сверкающей дымкой, из которой россыпью бенгальских огней сыпались в разные стороны блестящие крохотные молнии. Ее слегка встряхнуло и подбросило в воздух. Затем она приземлилась на все четыре ноги и, мотая головой, жалобно заблеяла.

– Вот и хорошо, золото, иди уж давай, а то столпилась тут и работать не даешь, – просительно, почти ласково проговорил хозяин кабинета и опустил ноги со стола.

Коза, все еще крутя головой, развернулась и побрела к выходу. Неожиданно она гордо подняла морду к потолку и с надрывом проговорила:

– Каков подлец и какова мистификация! И с ним мне приходится жить в этих застенках!

– Ну, Элеонора, у нас же времени нет!

– Жизнь! О-о, это не райские кущи, – она обернулась перед самой дверью и выразительно посмотрела на молодоженов. – Это беспросветная череда трагедий! Иду стенать, ропща в туманном мраке! Господа, я вынуждена подчиниться воле сатрапа и покидаю вас!

Она рогом поддела витую ручку и отворила дверь. Уже наполовину войдя в проем, она на миг остановилась, и растерянные от всей этой сцены Люк и Наташа услышали, как коза Элеонора, громко мекая и всхлипывая, стала стенать.

Мгновенная вечность и где начинается я

– Чем это вы в нее саданули, прям как гранатой? – спросил Люк, едва захлопнулась дверь за стенающей козой.

– Это вот? – Доктор поднял со стола еще одну золотистую лепешку. – Это Угомонитель повышенной эффективности. Если быть точным – электрофорезный нейролептик, атомарный транквилизатор мгновенного действия. Ну, то есть воздействует на все клетки подопытного организма одновременно. Очень удобная вещь и, прошу отметить, совершенно безвредная!

– Да уж! Ваша коза так дернулась, как будто на нее высоковольтный провод свалился! – чуть слышно сказала Ната, но доктор все же ее услышал.

– Естественно! И ощущения у нее были схожие, но, знаете ли, это тонизирует, да и она уже привыкла и не брыкается больше. Кстати, это мое личное изобретение, – он горделиво посмотрел через полупрозрачную лепешку на свет. – Можете не аплодировать!

Аплодировать никто и не собирался. Молодые люди, особенно Наташа, боязливо следили за зловещей лепешкой, которой игрался хозяин кабинета. Развеселившийся доктор заметил их испуг и смущенно спрятал транквилизатор среди прочей чепухи на столе.

– Ну что вы действительно... – Он внимательно посмотрел на молодую пару. – Переживаете так... Я ведь ее очень люблю!

Было непонятно, говорит он все-таки о лепешке или о козе. Соломон Яковлевич мягко прыгнул со стола и прошелся вдоль него, очевидно разминая ноги.

– Скажу по секрету, все равно ведь станет известно, – доктор остановился и, слегка покачиваясь с пятки на носок, почти мечтательно проговорил: – Я ведь ей, Элеоноре, предложение делал! – Он помолчал. – Отказала, гордая... Ну да ладно! Как вам все? Впечатлений много? – и не дожидаясь ответа, продолжил: – Уверен, много, но это ничего, надо уметь привыкать, да вы и справитесь!

– С чем? – спросил Люк и быстро добавил: – Как насчет телефона?

– А зачем вам телефон, если звонить некуда и некому? – вопросом на вопрос так же быстро ответил Соломон Яковлевич. – Давайте лучше по делу. Как вам здесь? И, главное, как вам тела, нигде неудобств не ощущаете?

– То есть тела нам не жмут, что ли? – переспросила Ната.

– Ну можно и так сказать, – согласно кивнул Соломон Яковлевич. – То есть руки, ноги, голова – все двигается, как обычно?

– Нас уже спрашивал об этом этот ваш, как его, Юнька! – резко вмешался Люк. – Но если такой вопрос от него и можно было сглотнуть, то от вас, специалиста, – это уже за гранью приличий!

– Почему же?

– Наши тела – это наши тела, и никому не может быть дела до них, кроме нас с Натой! – запальчиво крикнул француз.

– Ошибаетесь, мой милый друг, – доктор достал из кармана стеклянную трубочку, на две трети заполненную зеленоватой жидкостью, и посмотрел на нее. – У нас есть еще немножко времени, и, чтобы снять возбуждение, нехорошее, подчеркиваю, возбуждение, – он щелкнул пальцами, как бы выделяя сказанное, – попытаемся войти в ритм событий и начать осознавать окружающую реальность.

– Давайте! – принял вызов Люк и выразительно посмотрел на Наташу. Та согласно кивнула для поддержки.

– Тогда по порядку, – сказал Соломон Яковлевич и спрятал трубочку в карман. – Вот, допустим, ваша рука. Вам какая больше нравится? – Молодожены синхронно посмотрели на правую руку Люка. – Замечательно! Ваша правая рука, она кому принадлежит? Какому Я?

– Как какому? Она моя, значит, принадлежит мне!

– Абсолютно точно, она ваша, но это как раз и означает, что она не вы, то есть она принадлежит и подчиняется вашему Я, правильно? Вот на вас же одежда – рубашка, брюки, трусы с красными маками, Юнька их всем выдает, и все это тоже ваше. Вы же не скажете, что ваше Я – в ваших трусах!

– Ну, это лингвистическое рукоблудие. Раз рука моя – значит, это часть меня, то есть часть моего Я, а трусы можно взять и выкинуть, а руку – нет! – торжествующе произнес молодой супруг.

– Это с чего вы взяли? А если ее отрежут или она перестанет вам подчиняться? Допустим, паралич или еще что-то. Что, ваше Я от этого уменьшится?

Супруги озадаченно переглянулись и опять посмотрели на почти обреченную руку.

– Вот-вот! То есть где начинается и заканчивается Я? Если последовательно, тьфу-тьфу-тьфу, конечно, – Соломон Яковлевич аккуратно проимитировал три плевка, – вам начнут отрезать все ваши члены, где останется это самое Я?

– В голове, наверное... – нерешительно предположила На-та и затравленно посмотрела на доктора, а Люк, от греха подальше, засунул приговоренную руку глубоко за спину.

– А если и с вашей симпатичной головки, Наташа, изуверы отделят элементы вашей красоты, допустим уши, носик, нижнюю челюсть с милой ямочкой, ну, я утрирую, безусловно, такого и быть не может, то где тогда спрячется Я?

– Бросьте, доктор, это казуистика, я – это Я, и как личность неразрывно связан со своим телом! Тело и я – одно и то же!

– А вот и нет! – захлопал в ладошки Соломон Яковлевич. – Эти тела, в которых вы сейчас сидите, совсем-таки и не ваши! Они Юнькины, это он их сделал и вам дал их поносить!

– Врете вы все, так не бывает! Где же тогда наши тела, если мы сидим в этих? – насмешливо постукал себя в грудь молодой человек.

– А я вам их покажу, обязательно покажу, но раз уж мы встали на путь выяснения того, что Я и тело – совсем не одно и то же, задам другой вопрос. – Доктор выдержал театральную паузу и, подняв к потолку руку с вытянутым указательным пальцем, выразительно произнес: – Сколько прошло времени с того момента, как вас сбила лавина или что-то там еще?

– Ну, раз мы еще живы... – протянул Люк, – то, думаю, немного, может быть день-два, тем более мы разом проснулись. Вы нас в искусственную кому вводили?

Доктор молчал.

– Если вводили, то, может, и долго, несколько месяцев... – Он вопросительно посмотрел на жену, но та неопределенно пожала плечами.

– Но ведь вам показалось, что прошло лишь мгновение, не так ли? – Соломон Яковлевич, чуть пригнувшись, заглянул Люку прямо в глаза. – Вспышка, темнота и опять свет, только уже в момент пробуждения, ведь я прав? Иными словами, по ощущениям прошел лишь миг, мгновение, так по крайней мере говорит вам ваше Я.

– Да не томите уже, сколько прошло времени? – раздраженно проговорила Ната.

– А я не знаю! – с усмешкой произнес доктор. – Думаю, что вечность или около того. Мы уже давненько перестали следить за временем, пожалуй, с тех пор, как разучились умирать.

– То есть как?! – обалдело выдохнули хором молодожены.

– А вот так! – просто ответил Соломон Яковлевич и развел руками. – А зачем умирать, когда можно жить и жить. И следить за календарем нет ни охоты, да и надобности. Так что нашли вас сейчас, а когда вы попали в горный ледник – это вам никто не скажет. Ведь уже в конце 23-го века отпала необходимость считать зимы, весны, осени и дни с месяцами. Мы считаем только временные промежутки. То есть время для нас течет тогда, когда мы хотим. Согласитесь, что и для вас – прошло мгновение, или сто лет, или двести, или даже вечность – значения не имеет. Потому что вечность прошла мгновенно, и это хорошо.

– Кто вы и где мы? – хрипло и испуганно проговорил Люк, а Наташа тихонько заплакала.

Вылупленная шестерка

– Так, нам надо побыть одним, – Люк решительно встал и помог подняться жене. – Где мы можем уединиться?

– Но вы не можете просто так вот взять и уединиться, – недоуменно выгнул дугами брови Соломон Яковлевич и опять достал трубочку, которая уже почти вся пламенела зеленью. – Это в данный момент абсолютно невозможно.

Наташа продолжала лить слезы, и крылышки ее носа некрасиво побагровели, а сам нос распух и обрел помидорный оттенок.

– Нам надоела вся ваша белиберда! – вдруг вскрикнула она и, утерев нос, посмотрела на мужа.

– Да, – подтвердил он, – нам надо все обдумать и принять решение.

– Ну что ж, – пожевал губами доктор. – Вижу, вы мне не верите. Тогда последний аргумент – надеюсь, он вас убедит пока не искать укромный уголок, а довериться мне.

Он опять заскочил на стол и стал болтать ногами, а затем, чуть склонив голову набок, лукаво прищурился.

– Люк!

– Да!

– Вы, кажется, француз?

– Совсем не кажется, потому что я – француз!

– А на каком языке вы сейчас разговариваете?

– Как на каком? Мы все разговариваем на французском! У вас, например, парижский с примесью Ойля, то есть вы из Нормандии или Галлии, а Наташа говорит с русским акцентом – все понятно.

Во время всей последней тирады Наташа изумленно смотрела на мужа.

– Дорогой, все это время и я, и ты говорили по-русски! Ты что, очнись!

– А я вообще говорю на иврите! – хихикнул Соломон Яковлевич. – Очень симпатичный язык, вы не жили в Израиле? У вас такой говор с картавинкой, как будто вы только прибыли из Хайфы вечерним поездом. Как там водичка на пляжах?..

– Врете вы все, – француз небрежно махнул рукой в сторону доктора и повернулся к супруге: – Ты это чего? Ты ему, что ли, подыгрываешь?

– Подождите, молодой человек, и вы, юная леди, остыньте-ка, а то сейчас подеретесь, – оттолкнувшись руками от столешницы, доктор опять прыгнул на пол и встал перед парой, заложив руки за спину. – На самом деле все мы сейчас говорим на одном языке. Точнее, мы общаемся при помощи смысловых проекций языка, и ничего страшного в этом нет! Вообще языки разобщают, а не сближают людей, и у нас их давным-давно забыли, в них нет совершенно никакой потребности. Я не буду вдаваться в детали, но те звуковые комбинации, которые мы с вами извлекаем из своих ртов, обретают смысл только тогда, когда мозг может интерпретировать их в значимые формы. – Он внимательно посмотрел на Наташу: – Ох, девушка, не надо так глубоко задумываться, а то и утонуть можно.

– Так-так, вы меня призываете забыть язык Камю, Сартра, Франсуа Вийона и Рабле? – набычился французский супруг.

– А вы его уже забыли, точнее вы его и не помнили, потому что его нет вот в этом теле, в котором вы так комфортно сейчас устроились, а есть там глобо-язык, то есть язык, который впитал все языки мира! – парировал казалось бы неотразимый аргумент Соломон Яковлевич.

Наташа, окончательно потеряв нить рассуждений, буркнула, что ничего не понимает, и отошла от спорящих Люка и доктора. Молодой человек тщетно пытался что-то сказать на раз-

ных диалектах своей родины, но выходило одно и то же. Хозяин кабинета довольно посмеивался, и было понятно, что спорить бессмысленно.

Ната, отойдя от разгоряченных диспутантов, стала разглядывать предметы на полках, двигаясь все дальше в глубину таинственного помещения. В одном месте между стеллажей образовался широкий проем, который был заполнен шкафом с раздвижными дверями.

– Наташа, умоляю, только не трогайте ничего, – услышала она голос доктора и потянула за ручку скользнувшую в сторону дверную панель. В тот же миг весь кабинет до самой макушки заполнился пронзительным женским визгом и перепуганная девушка стрелой бросилась к мужу.

– Т-там! – заикаясь и давясь испугом, она указала пальцем на шкаф. – Т-т-там покойники! Все одинаковые! Висят! Повешенные! Люк!!! – Наташа схватила супруга за плечо и стала трясти его. – Их повесили!

– Ну вот, я же говорил! – полным укоризны голосом проговорил Соломон Яковлевич и полез в нагрудный карман за зеленой трубочкой. – Эх, Наташа, Наташа! Не бережете вы ни себя, ни нервы, что в вашей ситуации не одно и то же.

Он некоторое время смотрел на трубочку, а затем с торжествующим видом сунул ее на место.

– Итак! Сейчас, Наташенька, – он опять выгнул брови дугами и сделал глаза большими, – вы увидите, как ваши любимые покойники оживают! И не только это, – его лицо приняло загадочное выражение. – Вы увидите себя!

– То есть? – недоверчиво переспросил Люк. – Увидим себя?

– Если быть точным, то свои родные тела, – проговорил доктор и направился к противоположной стене. Здесь он легко откатил стеллажный шкаф в сторону, и за ним открылся коридор без дверей и окон, в глубине которого угадывалось какое-то движение. – Знаете, полезно иногда бывает взглянуть на себя со стороны!

В дальнем конце открывшегося короткого тоннеля суетливо метались рыжие огоньки и степенно шевелились сумеречные тени. Вдруг одним скоком из этой темной мешанины выскочила тележка с высокой рамой, на верхней перекладине которой были закреплены большие вращающиеся крюки. На этих крючьях, как туши в мясном холодильнике, были подвешены две громадные сопливые сосули, которые студенисто колыхались при движении.

– Ага! – почему-то сказал доктор и радостно добавил: – Вот мы и прибыли, точнее – вы прибыли, молодые люди.

Он перехватил тележку на выезде, лихо развернув ее так, что, казалось, желеобразные конусы сорвутся из-под перекладины и шлепнутся на пол двумя огромными скользкими медузами. Но ничего не случилось, сосули отклонились по инерции, волнообразно колыхаясь, и остались спокойненько висеть, а Доктор, семеня ногами, виртуозно припарковал всю конструкцию к столу, на котором недавно сидел и болтал ногами.

– Что ж, есть на что посмотреть, ух! – возбужденно проговорил Соломон Яковлевич и повернулся к молодоженам. – Вот фигура, так сказать, вашей особы, Наталья, не знаю как вас по батюшке, ух, а вот это вы, Люк. Целые и здоровые оба, уф-ух! – Он обтер лоб. – Да вы подойдите поближе, не бойтесь, чего самих себя-то бояться. Уху-ух!

Наташа, тихонько подталкивая мужа вперед, с любопытством уставилась на ту грудку студня, где, по уверениям хозяина кабинета, было спрятано ее тело. Люк не очень активно, упираясь, все же нехотя приблизился, и оба они уставились на покрытую живой рябью поверхность подвешенных конусов. Сквозь довольно прозрачную среду дрожащего желе, в котором, будто марево в жару, струились едва заметные потоки, были видны их тела в горнолыжных костюмах, которые висели по стойке «смирно», словно солдатики в детском магазине над прилавком.

– Мамочки, до чего же на нас похожи, – недоверчиво пробормотала Наташа. – Или это все-таки мы и есть?

– То есть получается, что и меня, и тебя в каком-то киселе утопили? – покосился на нее Люк и, неопределенно мыча что-то, стал разглядывать сосуды с боков. Доктор тоже склонился к прозрачной поверхности и, хитро скосив глаза на Нату, заметил:

– А ведь если отбросить кисель, то красавцы, честно! – Он аж причмокнул от удовольствия. – По самым высоким разрядам проходят, точнее, проходите.

Супруги, не отвечая, вглядывались в глубину громадных висюлек, даже не смотря друг на друга. Тогда Соломон Яковлевич, чуть отступив и нахмутив брови, опять достал трубочку, которая уже ярко зеленела от кончика до кончика. Затем спрятал ее назад в карман и посмотрел на висящие осклизлые конуса.

– Так, докладывайте, – обратился он к сосудам. – Сначала мужчина, там работы побольше.

Как раз в этот самый момент Люк придвинул нос к самой поверхности, вглядываясь куда-то внутрь, и тут же, прямо перед его лицом, пленка поверхности сморщилась и неуловимым движением сформировала большой, сантиметров на тридцать, рот, который по-солдатски гаркнул:

– Повреждения свода и основания черепа исправлены, клеточная структура в порядке. – Рот смачно чмокнул и скривился в ехидной усмешке. – Были проблемы с эндокринной железой, но это уже не ко мне, это к Гоше. Ой, а чой-то с молодым человеком?

Люк в то самое мгновение, когда рот на сосулке только открылся для доклада, прыжком отскочил назад и замер, весь дрожа от испуга.

– Что-что – предупредить надо! – почти сорвавшись, крикнул он и повернулся к доктору. – Так и до инфаркта можно довести!

– Ничего страшного, я же врач, вылечу, просто сейчас надо поторапливаться, – заметил он и сухо добавил: – А у вашей жены нервы покрепче будут.

Наташа, также отступив, прижалась к мужу, и они молча смотрели, как Соломон Яковлевич принимает странный доклад. То на одной сосулке, то на другой в разных местах появлялись и исчезали, сообщив нужную информацию, разных размеров рта. Некоторые из них переругивались между собой, отпуская соленые шуточки. В один момент на каждой из сосул возникло по три рта и поднялся такой гвалт, что доктор был вынужден прервать перепалку.

– Вижу, что все прекрасно справились, теперь пора закругляться!

Он вытащил откуда-то из стены между полок прозрачный шланг и прикрутил его к тройнику на перекладине тележки. От места соединения шли два патрубка, которые были вставлены прямо в желеобразную массу каждой подвешенной груди.

– А ну марш все по своим куклам! – строго произнес Соломон Яковлевич и крутнул крантик на шланге. Тотчас раздалось глоточное бульканье, и по шлангу побежала вязкая жидкость, а сосуды стали уменьшаться в размерах, всасываясь в патрубки как насосом. Прошло не более минуты, как на крюках остались покачиваться, как парашютисты на ремнях, два тела, которые были совершенно сухими, а одежда даже как будто выглажена – ни единой складочки.

– Очуметь! – выдохнули хором Люк с Наташей и посмотрели, теперь уже с нескрываемым уважением и страхом, на доктора.

– Ну, это еще не все! – Он отпустил шланг, который втянулся в стенку, и подошел к раздвижной двери, за которой висели Наташины покойники. – Эй, вы там! Готовы?

Дверь скользнула в сторону, и из проема вышли один за другим шестеро абсолютно одинаковых близнецов, белобрых и покрытых веснушками так, словно их обрызгали из пульверизатора. Они весело толкались, как парубки-призывники в военкомате, и, шпыняя друг друга, беспрерывно веселились.

– Так, галдеж прекратить, не на базаре! – повысил голос Соломон Яковлевич, а потом обернулся к молодоженам: – Это мои помощники, медбратья, так сказать, по разуму. Прошу любить, хотя жаловать не положено! – Потом опять обернулся к близнецам, построившимся в неровную шеренгу: – Представьтесь!

Братья стояли, задорно поблескивали глазами и ухмылялись, но, осознав серьезность процедуры, деловито переглянулись и один за другим шагнули вперед.

– Я – Паша!

– Я – Саша!

– Я – Тоша!

– Я – Гоша!

– Я – Проша!

– Ну, а я – Сигизмунд!

– А почему Сигизмунд? – ошалело спросила Наташа.

– А я последний вылупился! – бодро чеканя слова, совершенно непонятно объяснил крайний левый в шеренге.

Я весь рассыпался на части...

– Так-так, шестерка из ларца, одинаковых с лица, – важно надув губы и прохаживаясь перед шеренгой, промолвил Соломон Яковлевич. – Можете идти развлекаться, только чтоб завтра – как из пушки, с первой зорькой все на работу. Куда вы сейчас?

Братья переглянулись и, широко скалясь, наперебой стали излагать.

– Сегодня гонка, Док!

– Тарантулы! Финальный забег, Док!

– Ща по пиву и на стадик!

– Док, а вы птера своего, Леху, дадите смотаться по-быстрому?

– Ладно уж, возьмите...

Близнецы, шумно топая ногами и гогоча, дружно двинулись к выходу, словно футболисты в раздевалку после трудного, но победного матча. Все они были одеты в одинаковые майки-безрукавки с номерами от одного до шести и шорты бежевого цвета. Проходя мимо Люка и Наташи, каждый из них либо двусмысленно чмокал и строил девушке не очень пристойные гримасы, либо просто пялился бесстыжими глазами. Только последний, который назвался Сигизмундом, радушно подмигнул забытому французу – и захлопнул за собой дверь. В комнате стало так тихо, что было слышно, как где-то в глубине огромного дома продолжает глухо стелать коза Элеонора.

– А теперь, молодые люди, ух, самое для вас, безусловно, интересное. – слегка волнуясь, громко проговорил Соломон Яковлевич. – Сейчас, уф, наступает очень важный момент. Момент, когда вы вернетесь, ух, на короткое время, безусловно, – он показал жестом большого и указательного пальцев, насколько короткое, – буквально на две-три минутки, в свои тела. Ух! Это абсолютно необходимо в медицинских целях! В медицинских, ух, прошу заметить, и ни в каких больше! Туда и обратно! Готовы?

– Вы сначала объясните, что это за развеселая медбратия была? – осторожно произнес Люк.

– Да! – поддержала Ната. – Откуда они появились в этом шкафу, и куда делись мертвецы!

– Времени у нас мало, ну, да ладно, – нахмурившись проговорил доктор. – А это и были ваши, Наташенька, покойники, ух! Просто они на время работы перезагрузили все свои шесть Я в клеточный бульон и ваши организмы лечили, по три брата на организм, уф, разве не понятно? Вот в тот, по меткому замечанию вашего мужа, кисель, который обволакивал вон те ваши туловища. А затем они вернулись в свои тела, точнее в куклы, а бульон, ух, слили в бидоны для дальнейшего хранения. Теперь все ясно? Можем приступать?

Люк неуверенно скосил глаза на Наташу, и они оба молча пожали плечами. Сразу после этого не очень выраженного согласия Соломон Яковлевич развил бурную деятельность. Из туманной темноты коридора с огоньками выскочила вторая тележка с перекладиной, на которой покачивались две подвесные системы на ремнях.

– Быстренько одевайте всю эту сбрую и начнем, а то, – доктор сделал наигранно страшные глаза, – навсегда останетесь в Юнькиных телах! А ваши родные придется выбросить на помойку. Не все еще в нашем мире подвластно медицине, уж поверьте мне. Торопитесь!

Он опять достал зеленую трубочку, которая потемнела и с концов стала почти черной. Было понятно, что с ней что-то происходит, и супруги, неожиданно и полностью поверив доктору, стали лихорадочно разбирать ременные подвески и примерять на себя. Полностью поглощенные сложной задачей одевания, и Люк, и Наташа обменивались лишь односложными фразами, типа: «Подтяни вот здесь, а то провисает» или «Как ты, нормально?» и тому подобными.

– Прямо как в космос собираемся, – мрачно пошутил французский муж, застегивая последний карабин на ремнях и свободно качнувшись на перекладине тележки. Наташа не

доставала до крюка, и доктор пододвинул ей маленькую скамеечку для удобства. Наконец, они оба повисли, как на качелях, и уставились на хозяина кабинета.

– Теперь что? – спросил Люк.

– Теперь? Уф! – радостно пыхтя, пробормотал доктор. – Теперь домой! В родное тело! Ух!

Он схватил тележку и подкатил ее к первой, на которой висели тела молодоженов в горнолыжных костюмах. Он аккуратно подогнал обе конструкции как можно ближе друг к другу и суетливо забегал вокруг, что-то придвигая и подстраивая. Люк оказался прямо напротив своего второго, точнее первого, тела и увидел свое лицо, как в зеркале. Оно казалось и чужим, и родным одновременно. Внезапно его стала пробивать легкая дрожь.

– Плюньте на свою правую руку оба! – раздался властный голос хозяина кабинета, и молодые люди непроизвольно повиновались.

– А теперь возьмите и поздоровайтесь сами с собой, пожмите руки!

Люк вздрогнул и наискось протянул руку безжизненному телу напротив. То же самое делала и Наташа, безвольно подчиняясь резким приказам. Дотянуться до рук висящих тел было несложно, но как-то жутко, и она заплакала, молча глотая слезы.

– Возьмите же руки, крепче, еще крепче, а теперь – закройте глаза!

Люк зажмурился так сильно, что заболели веки, и вдруг на него нахлынуло то же, что он испытывал, лежа под рогожным кулем в мастерской у Юньки. Он рассыпался на мелкие куски, которые, kloкочущими потоками струясь с разных концов тела, слились в один и устремились к зажатой ладони. Она стала нагреваться, покрываясь скользким потом, и Люк почти потерял сознание. Точнее, ему казалось, что он перешагнул предел ощущений и разум его скользил в мутной и вязкой жиже по живому изгибающемуся тоннелю. «Как в канализации... почему-то мелькнула мысль. – Даже звуки те же.»

Неожиданно он услышал голос доктора, но совсем с другой стороны.

– Открывайте глаза, оба!

Люк открыл глаза и от неожиданности аж крикнул. Нос к носу с ним покачивался он сам с полуприкрытыми остекленевшими глазами. Точь-в-точь как висельник на эшафоте, даже язык вывалился.

– Ой, уберите ее, сейчас же! – раздался нервный крик На-ты, и вся конструкция немного отодвинулась.

– Наташенька, вы же были в этом теле еще пару секунд назад, а уже его боитесь, – проворковал где-то рядом голос Соломона Яковлевича. – Тем более что вам еще предстоит путешествие назад. Это теперь ваш дом, можно сказать, квартира. Только двухкомнатная. Пока вы в одной комнате, другая пустая, и наоборот.

– Я не полез в это тело, – запричитала Наташа, – мне и здесь хорошо!

– Ну, дорогая моя, тут выбора нет, – опять закурлыкал Соломон Яковлевич. – Это тело вам родное, я понимаю, но его вы пока не можете эксплуатировать на полную катушку! Уж соберитесь как-то, все же хорошо, просто прекрасно! Я вас уверяю, вы в себя еще не раз вернетесь. А теперь пора и назад! Активация прошла успешно, с чем я вас и поздравляю!

Обратная перезагрузка прошла практически без эксцессов, но Люку почему-то очень не хотелось расставаться с родным туловищем. И переселяться в другое. Еще он почувствовал, что обратно в тело куклы, которое ему сделал Юнька, все-таки вселяться труднее, не так комфортно, что ли, как в родное тело. Но приходилось верить доктору, что это необходимо, потому что ясности было ноль, а в таких случаях кому еще верить?

То ли звери, то ли люди...

– Люк! – шепотом позвала Ната.

– Чего?

Они лежали на пуховой перине широкой, как палуба авианосца, кровати в большой темной комнате.

– Никак не пойму, хорошо тут или плохо...

– Не нравится мне этот эскулап, скользкий он какой-то, как этот ихний клеточный бульон!

– Люк, а может ну их всех! Смотри такая перина, как в сказке про Золушку!

– А там была перина?

– Да неважно, просто мы же в этих новых, ну, ты понимаешь, анатомиях, – она прерывисто задышала, – и ощущения должны быть новые...

Через десять минут, когда молодожены, счастливые и расслабленные от любовной неги, откинувшись на подушки, начали засыпать, случилось нечто. А если быть точным, то за тяжелой портьерой у окна кто-то сдавленно, но очень отчетливо чихнул. Молодые разом открыли глаза. Сразу за чихом тот же кто-то опять очень приглушенно и давясь произнес: «Му-ур! Паррдон!»

– Черт! – выругался Люк и сел торчком. – Что такое?

Он рывком вскочил и в два прыжка оказался у занавесок. Ясно, что отдернуть их ничего не стоило.

– Ты кто? – На Люка смотрели два ярко горящих зеленых глаза.

– Му-ур, – ласково сообщили глаза.

– Кто?

– Я в некотором смысле Мефодий, – зеленые зрачки ласково, практически влюбленно моргнули, – Мефодий Крындин, московский уголовный розыск, му-ур, агентурно-оперативный отдел.

Послышался надрывный вздох, а за ним почти страстным шепотом прошелестело:

– Я здесь на задании, му-ур-р!

– Какого черта! Пошел вон, паскудник!

– Я ничего не видел, не слышал и не обонял! – чуть громче ответили глаза и опять ласково моргнули. – Вообще ничего, но я на задании и обязан доложить.

– Доложить что, куда и из какого места? – змеиным голосом проговорил Люк и схватил невидимого кота за шиворот.

– Я при исполнении, а вы не имеете права!.. – вдруг во весь голос заорал замаскированный темнотой шпион.

– Пшел вон, тварь босяцкая! – только и вырвалось у Люка, и он решительным пинком направил кота в ту сторону, где была дверь.

Но мерзкий пакостник каким-то одному ему известным приемом извернулся и врезал черной молнией прямо вверх по шторине. Портьера, не выдержав веса, рухнула вниз вместе с массивным карнизом, но не с котом. Вместо того чтобы свалиться как положено и сдаться в плен, орущий лютым мявом котяра сиганул сначала на люстру, обрушив и ее, а потом с лету вышиб дверную створку и скрылся в глубинах дома.

Люк стоял, озаряемый лунным светом из обнажившегося окна, совершенно голый, и на голове у него несомненно назревала громадная гуля шишки.

– Ненавижу котов, отсюда и навсегда, – пробормотал растерянный французский муж и побрел к кровати, осторожно глядя растущую на лбу выпуклость.

– Кто это был? – томно, несмотря на грохот и свалку, спросила Ната, и по ее тону было ясно, что ей наплевать на агентурных котов и прочую сволочь. Ей хотелось... Да мало ли чего ей хотелось в конце концов!

– Это был Мефодий, только, как я понимаю, без ливреи! – буркнул Люк.

– В ливрее или без ливреи, ну их, иди сюда, – страстно позвала девушка, но Люку совсем ничего не хотелось. Он остановился и посмотрел вокруг.

Комнату заливал лунный колдовской свет из окна, и весь шабаш, устроенный тайным агентом Мефодием, был виден до последней детали. Портьерный карниз, который так больно саданул Люка по башке, мирно свисал, все еще держась одним концом на стене. Сама портьера конусной кучей лежала рядом, а люстра разлетелась мелкими стеклянными брызгами. Ее осколки звездной пылью мерцали на полу и повсюду. Даже на кровать залетела пара стекляшек, и Люк брезгливо сбросил их с простыней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.